

Подхватив Е Цзиньюня, Шэнь Гухань на мгновение вновь увидел чужие воспоминания. Место из иллюзии совершенно не походило на Мир Долголетия. Вспомнилась и странная, нелепая Система... Неужели парень и впрямь переродился?

Слова Е Цзиньюня звучали в голове, подобно расходящимся по воде кругам.

И тут снизу донеслось тихое, размеренное сопение.

Отгнав лишние мысли, Шэнь Гухань бережно поднял юношу на руки и перенес на кровать. Тот уже заснул: изгиб темных бровей разгладился, на щеках играл мягкий румянец — то ли от хмеля, то ли от тепла, — делая его похожим на сочный духовный плод. Шэнь Гухань не сдержался. Нагнувшись, он коснулся губ юноши — мягких, хранящих сладость терпкого вина. Вкус ему понравился.

— М-м... — Е Цзиньюнь беспокойно отвернулся.

Длинные ресницы дрогнули, словно крылья бабочки. В этот миг в нем не осталось и следа от дневного упрямства.

Шэнь Гухань опомнился и отстранился. Сидя у изголовья и глядя на залитый лунным светом двор, он тихо прошептал:

— Перерождение...

Первые лучи восходящего солнца скользнули по лицу Шэнь Гуханя, заставив его походить на изваяние из холодного нефрита, тронутое теплым глазурным светом.

Е Цзиньюнь открыл глаза и первым делом увидел именно эту картину. Вчера, когда Шэнь Гухань спросил его о перерождении, первейшим порывом была настороженность.

«Но если порассуждать здраво... Если Шэнь Гухань и впрямь понял, что я пришел из другого мира, чего он хочет от меня добиться?»

Поэтому он и пошел на рискованный шаг — притворился пьяным и сболтнул о перерождении, рассчитывая выведать у Шэнь Гуханя хоть какие-то подробности.

Вот только Е Цзиньюнь никак не ожидал...

«Что этот человек меня поцелует?!»

Он ведь все прекрасно чувствовал! Шэнь Гухань действительно тайком прикоснулся к его губам!

«Неужели он и вправду равнодушен ко мне? И именно поэтому раз за разом приходит на помощь?»

Шорох ткани выдал движение. Е Цзиньюнь мгновенно зажмурился, чувствуя, как влажнеют ладони. Отчего сердце заколотилось как сумасшедшее, он и сам не понимал.

Шэнь Гухань вовсе не спал. Он сразу понял, что юноша проснулся и теперь судорожно изображает глубокий сон. Разоблачать его он не спешил. Лишь с легким любопытством принялся аккуратно снимать с себя раскинутые руки и ноги спутника.

Кончики ушей Е Цзиньюня налились пунцовым цветом, словно побеги плюща. Наконец, не выдержав, он демонстративно потер глаза и, напустив на себя сонный вид, взглянул на Шэнь Гуханя:

— Рано встал, а?

Тот чуть улыбнулся и снисходительно отозвался:

— Да нормально. Разве что тесновато было.

Е Цзиньюнь тут же вспомнил, как только что его конечности без церемоний сдвинули в сторону. Румянец моментально залил щеки.

— Я же говорил, ложе слишком узкое! А ты «не надо, не надо»...

Повысив голос, юноша вжался спиной в стену. Шэнь Гухань, видя его пылающее лицо, забавлялся все больше:

— Ложе и впрямь узкое. Люди тут ни при чем.

— Ты!.. — Е Цзиньюнь поперхнулся.

Он понимал, что над ним подшучивают, но возразить было нечего. Оставалось только молча кипеть от досады.

— Время не ждет, — сжалился Шэнь Гухань, меняя тему. — Нам пора к Допочтенному Хуньюню. Пойдешь со мной?

Накануне перед старейшинами он вызвался забрать у Допочтенного Десятитысячелетнюю траву летящего песка. Сегодня тот как раз выходил из закрытой медитации, и упускать момент нельзя: страсть Хунъюня к уединенному самосовершенствованию была известна всем — задержишься, и тот снова закроется в обители на неопределенный срок. Хотя учитель, глава секты Юй Цзи, и не одобрял этого шага.

— Ты идешь за травой ради меня, как я могу остаться? — Е Цзиньюнь прыгнул с кровати, быстро поправил прическу и одежду, а затем вдруг замер.

От него разило винным перегаром! Неужели он весь вечер и всю ночь пролежал рядом с Шэнь Гуханем в таком виде? От этой мысли его обдало волной стыда.

Заметив, как Е Цзиньюнь ни с того ни с сего скривился, Шэнь Гухань решил, что тому стало плохо:

— Что с тобой?

Глядя на его обеспокоенное лицо, Е Цзиньюнь окончательно смутился. Не признаваться же, что он стесняется собственного запаха? Слишком уж глупо.

Вдруг он вспомнил о младшем ученике, который вчера повсюду следовал за Шэнь Гуханем. Тот казался сговорчивым пареньком, может, выручит? Как его бишь...

— Слушай... а где твой младший брат?

— Младший брат? — Шэнь Гухань нахмурился.

Зачем Е Цзиньюню Гу Шаосинь? Когда это они успели сойтись?

— У меня к нему срочное дело. Можешь его позвать? — Е Цзиньюнь попятился назад, чтобы Шэнь Гухань не уловил винный душок.

Заметив этот отстраненный жест, Шэнь Гухань остыл. Улыбка мгновенно исчезла с его лица, взгляд стал холодным:

— Ему некогда.

Е Цзиньюнь застыл, не найдя, что ответить.

Отрезав все расспросы, Шэнь Гухань сухо добавил:

— Идем.

— Куда? — Е Цзиньюнь не двинулся с места.

— В обитель Допочтенного Хунъюня.

Шэнь Гухань даже не оглянулся и направился к выходу из бамбукового домика.

— Погоди, — замялся Е Цзиньюнь. — Я вчера пил...

Шэнь Гухань обернулся и строгим, непроницаемым взглядом уставился на него.

Поняв, что тот не намеревается уступать, Е Цзиньюнь мысленно чертыхнулся.

«Да что я, в самом деле, как девчонка маюсь? Ну разит от меня перегаром, и что с того, прямо сказать нельзя?»

И вслух выпалил:

— От меня вином несет на три ли кругом! Можно мне сперва помыться? Как я в таком виде предстану перед Допочтенным Хунъюнем?

Шэнь Гухань замер. Так вот почему он кривлялся и отступал — просто не хотел, чтобы от него пахло перегаром?

На душе у Шэнь Гуханя неожиданно потеплело. Губы сами собой тронула непроизвольная улыбка:

— Вот оно что. Хотел ополоснуться — так почему сразу не сказал?

— Я... да я думал, ты поморщишься! Все-таки в одной постели спали, вместе пили... — Е Цзиньюнь подался вперед и принялся усердно обнюхивать Шэнь Гуханя, поведя носом от его плеча к шее. Не уловив ни намека на алкоголь, он изумленно вытаращился: — А от тебя почему ничем не пахнет?

Ощущая теплое дыхание на своей коже и щекочущие прикосновения растрепанных прядей к открытой шее, Шэнь Гухань сглотнул. В горле пересохло.

— Я достиг стадии Зарождающейся Души, — сдавленно пояснил он. — Мое тело естественно очищается от скверны.

Е Цзиньюнь разочарованно вздохнул, утешая себя: «Ну да, Великий мастер Зарождающейся Души, куда уж нам, смертным...»

— Если хочешь вымыться, я принесу воды, — предложил Шэнь Гухань.

— Постой! Ты же на стадии Зарождающейся Души, неужто Очищающее заклинание не знаешь? — вспомнил Е Цзиньюнь.

В детстве, когда он упрямылся и не хотел мыться, отец кастовал на него чары очищения, отчего тело мгновенно становилось чистым — в свое время это привело его, только пришедшего в этот мир, в настоящий восторг.

Шэнь Гухань кивнул. Это заклинание преподавали еще на стадии Закалки Основания. Он небрежно взмахнул рукавом — и в то же мгновение тяжелый винный дух испарился.

Е Цзиньюнь еще раз принялся и, убедившись, что все в порядке, довольно расправил плечи:

— Ну, теперь пошли!

И гордо зашагал вперед.

Шэнь Гухань молча пошел следом, чувствуя смутный укол досады: кажется, он только что упустил нечто очень важное.

<http://bllate.org/book/20642/2132184>